

на музыку. Писатель считал, что в «пределах своей профессии нужно уметь решать любые задачи», как он решал их в жанровых рамках рассказа, новеллы, лирической миниатюры («**Камешки на ладони**», 1977), поэмы, романа, киносценария. В 1983–84 изд-вом «Худож. лит.-ра» было выпущено СС писателя в 4 т. В 1995 начат выпуск 10-томного СС.

С. — лауреат Гос. премии РСФСР им. М. Горького. В 1975 в Польше за книгу «**Встреча с иконами**» С. была присуждена премия ПАКСа им. Володимира Петшаки. Книги писателя переведены на мн. европейские яз. Сам он известен еще и как талантливый переводчик.

С 1958 по 1981 С. был членом редколлегий ж. «Молодая гвардия», в последние годы своей жизни — членом редколлегии ж. «Наш современник».

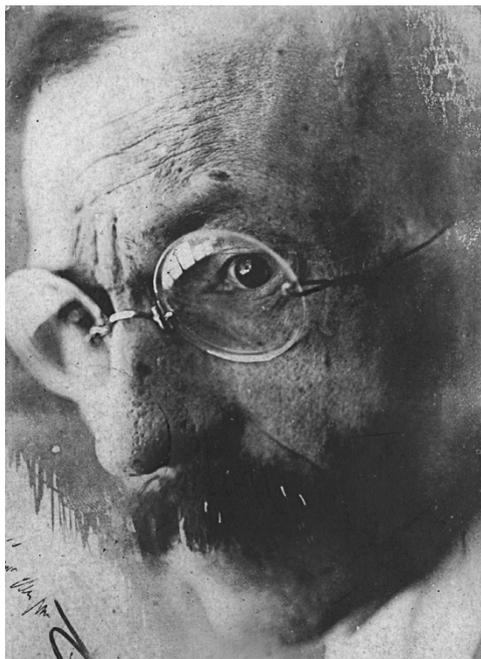
Соч.: СС: в 4 ч. 1983–84; СС: в 10 т. М., 1995. Т. 1–3; Смех за левым плечом: Книга прозы. М., 1989; При свете дня. М., 1992; Соленое озеро // Роман-газ. М., 1994. № 15; Последняя ступень: Исповедь вашего современника. М., 1995; И вечный бой: Стихотворения. Венок сонетов. М., 1999; [Избранное] М., 1999; Разрыв-трава: [стихи]. М., 2001; Не прячьтесь от дождя: Рассказы разных лет. М., 2003.

Лит.: Кудрова И. Рассказы Владимира Солоухина // Новый мир. 1964. № 4; Кучеренко. Посмотрим объективней // Октябрь. 1967. № 3; Цветов Г. Художественно-публицистическая проза Вл. Солоухина // Жанрово-стилевые поиски советской лит-ры 70-х годов. Л., 1981. Вып. 2; Леонов Б. Свидание с талантом // Владимир Солоухин. Мать-мачеха. Роман. Рассказы. М., 1980. С. 5–22; Овчаренко А. И. Подведение итогов // Новый мир. 1985. № 7. С. 239–245; Барабаш Ю. «Тайная любовь» Гоголя? Мифы старые и новые // Вопр. лит-ры. 1987. № 1; Аксенов В. Почта «Огонька» // Огонек. 1991. № 32; Лесневский С. «Все уходит в будущее» // Лит. газ. 1997. 9 апр.; Бондаренко В. Хранитель России // Лит. Россия. 1997. № 15; Колейкин А. Предпоследний певец деревни // Русская мысль. Париж. 1997. 10–16 апр.; Симонова И. Последняя ступень Владимира Солоухина // Независимая газ. 1997. 14 мая.

В. Н. Запезалов

СОРОКИН Антон Семенович [31.7(12.8). 1884 (по др. данным — 17(29).6.1884), Павлодар — 24.3.1928, Москва] — прозаик, драматург, публицист.

Внук самого богатого в городе скототорговца из старообрядцев-федосеевцев. «Владевший табуном из 11 тысяч лошадей, сибирский конкистадор, завоеватель сибирских земель, он оставил наследникам огромный капитал» (здесь и далее неоговоренные цитаты

А. С. Сорокин

принадлежат самому С.), однако из-за раздела имущества семья заметно обеднела. Отец С. был склонен к религиозным исканиям; к концу жизни он был близок с сибирскими толстовцами. Мать С. — известная старообрядческая художница Татьяна Чернова, много работавшая в иконописании и переписке лицевых рукописей. В юности С. испытал сильное влияние Л. Н. Толстого и А. М. Добролюбова. В 1906–07 переписывался с Толстым (о совместимости воинской службы и христианского долга и др.) (Толстой Л. Н. ПСС. Т. 76. С. 164–165; Т. 77. С. 264). «Большое влияние произвел Александр Добролюбов, бывший поэт из „Весов“, а в настоящее время проповедующий свое учение среди народа. Основы этого учения: общинная жизнь, неупотребление в пищу убитых, отрицание денежных знаков и т. п. В разных концах Сибири и России имеет Добролюбов общины своих последователей и посещает их, проходя пешком в плохой одежде» (**Автобиография 1913**). Образование С. получил в Омской гимназии; согласно автобиографии 1913, был исключен из 5-го класса из-за неуспеваемости по русскому языку; согласно автобиографии 1920-х, «был исключен с волчьим билетом за незнание молитвы „Отче наш“». По настоянию родных начал заниматься торговлей кожей и солью, затем чаем; открыл лавку самообслуживания, где к концу

первого дня торговли обнаружил пустые полки и пятак денег. В глазах родных С. на всю жизнь приобрел репутацию умалишенного. «Узнав жизнь такую, какова она есть, он был поражен той разницей, какую встретил в жизни по отношению к деньгам». До 1919 служил счетоводом в управлении Омской железной дороги, в советское время служил регистратором в пригородной больнице.

Несмотря на насмешки домашних, уже в юности С. всецело посвящал себя лит-ре. Главенствующей темой для С. стала власть золота над людьми; С. отверг как традиционные христианские взгляды, соотносящие экономические процессы с происками дьявола, так и неуклюжее толстовское морализаторство на данную тему. Именно власть золота, по мнению С., и является той самодовлеющей силой, которая определяет ход мирового процесса и является генератором всемирного зла. Взгляды С. выражены в монологе Миллионера из его «монодрамы» **«Золото»** (1907): «Все зло от золота. Нужно уничтожить золото. Мое желание — уничтожить куплю и продажу». Жанровое определение «Золота» как «монодрамы» (т. е. драмы с одним действующим лицом), данное С., едва ли было уместно: помимо Миллионера там еще пять действующих лиц, среди которых «Мария с ребенком», «Золото» и «пять танцующих пар», не считая «двадцати грезящихся Миллионеры видений». Свое драматургическое новаторство С. обосновывал ссылками на жанровые искания предшественников, а именно Р. фон Майергамса и Н. Н. Евреинова, причем особо подчеркивал, что последний не догадывался о существовании первого, а они оба едва ли узнают о существовании самого С. По словам С., в 1907 «Золото» было принято В. Э. Мейерхольдом к постановке в Театре В. Ф. Комиссаржевской, которая якобы «нашла в этой драме новый вид драмы и самобытность и сделала только купюры всего того, что касалось христианства» (Автобиография 1913). С. сообщал, что когда в 1909. Комиссаржевская гастролировала в Омске, она встречалась с С. и долго беседовала с ним о «Золоте»; актрисе нравилась «наивность, искренность и какая-то примитивность» во взглядах автора, однако кое-что и настораживало: «Вы Вашей пьесой издеваетесь над человеческой душой, мучительно отвергаете все, чем гордилось человечество. Оправданием может быть только то, что вы писали искренне». Наряду с «Золотом» («стилизованной монодрамой-примитивом в 3 актах») известны и др. драматургические опыты С.— трагедия **«Корабли, утону-**

шие ночью», монодрамы **«О чем пел лебедь»**, **«Битва»**, **«Желтый ужас»** и др. Горячим поклонником и пропагандистом творчества С. в 1910-е был киевский адвокат и драматург Г. Шварц, в будущем один из высших чинов СС и идеологов третьего рейха.

В силу своей необычности прозаические опыты С. далеко не сразу были благосклонно приняты читателями. Сам С. жаловался на косность рецензентов. Помимо чисто формальных жанровых и стилистических изысков прозы С., во многом превосходивших обращение к «потoku сознания» европейского модернизма и потому непривычных для сибирского читателя начала века, лит. репутации С. сильно вредила его склонность к саморекламе и мистификациям, что порождало непрекращающиеся скандалы, сопровождавшие каждое его публичное выступление. В 1910-е С. расклеивал на омских заборах плакаты со своим портретом, афиши, призывающие к покупке его сочинений, а также отпечатанные на гектографе первые страницы рассказов с увлекательным сюжетом. Особенно старался С. эпатировать интеллигенцию. Его брошюры сопровождалась предупреждением: «Людей, ограниченных умом, просят не читать», а в Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества, бывший средоточием интеллектуальных сил города, С. торжественно пожертвовал собственный бюст работы своего сослуживца Пожарского (с надписью на скульптурном изображении «Сибирскому Киплингу, Джеку Лондону и Метерлинку»). Все это привело к организованному бойкоту С. со стороны омских издателей, писателей и читателей. С. был вынужден публиковать свои произведения под псевдонимами. По словам С., к 1917 «всего было напечатано 382 рассказа, 3 рассказа на французском языке и 8 на киргизском» (точные цифры могут вызывать сомнения, однако они вполне соотносятся с общим объемом наследия С.). Внезапный интерес к творчеству С. в Омске появился в 1915, когда в столичном «Синем ж.» был помещен некролог С. с его портретом, где говорилось о том, что, «пролетая над Гамбургом, в знак протеста против империалистической войны из самолета выбросился популярный сибирский писатель Антон Сорокин». Сам С. приводил этот некролог в доказательство своего излюбленного тезиса о том, что интерес к творчеству гения проявляется только после его смерти.

Вершиной творчества С. является повесть **«Хохот Желтого Дьявола»**, опубликован-

ная в семи выпусках газ. «Омский вестник» с 11 по 27 июля 1914. Символично, что уже в следующем выпуске этой газ. был помещен приказ о мобилизации ввиду начала Первой мировой войны. Эта война и стала той войной, черты которой и грядущие последствия были гениально предугаданы С., не имевшим боевого опыта и не покидавшим Омск. Повесть сопровождалась графическими рисунками близкого С. по духу сибирского экспрессиониста В. Эттеля, которого С. называл «русским Гойей с техникой Бердслея». Жанровое обозначение, данное С., не вполне соответствует памфлетному характеру произведения, которое сам С. определял как «истерический крик против войны и капитала». Текст повести насыщен тщательными описаниями анатомии войны, реминисценциями (текстовыми и образными) из Библии, Л. Толстого, М. Горького и Л. Андреева. Война предстает у С. как планетарный ужас и всеобщее сумасшествие; она становится огромным театральным представлением («театр военных действий»), спектаклем с режиссером и декорациями, бутафором, актером и зрителями. Свообразие этой «слишком дорогой» театральной постановки в том, что ее участники и зрители не знают ни сюжета, ни слов. Видя в войне очередное доказательство планетарного безумия, С. не устал подчеркивать, наряду с иррациональной, также и экономическую подоплеку войны. О повести С. говорил: «Это мой шедевр!», посчитав свое мнение вполне достаточным для выдвижения ее на соискание Нобелевской премии. С. разослал отд. изд. повести монархам и главам ряда государств, испрашивая от них либо поддержки своей кандидатуры, либо критического отзыва. Ответ пришел лишь от получившего в России военное образование сямского императора Чакрабона, сожалевшего в написанном по-английски письме о том, что «книга, за отсутствием русского переводчика, не могла быть прочитана». Невнимание правителей мира не обескуражило омского счетовода, и в дальнейшем он в официальной переписке именвал себя «нобелевским кандидатом». С повестью связана одна из мистификаций С., в архиве которого хранится датированное от 16 марта 1909 «письмо Льва Толстого», где сказано: «Читал Ваш „Хохот Желтого Дьявола“: хорошо, ярко, а главное, жизненно и соответствует великой евангельской правде» (ГАОО. Ф. 1073. Оп. 1. № 434. Л. 1; см.: Кандеева Л. Н. Толстой и Сибирь // Ученые записки Омского педагогического ин-та. Вып. 21. 1963. С. 61–63); апокрифический характер данного текс-

та был установлен лишь в 1970-е после нескольких републикаций. Неподдельный интерес к повести проявил М. А. Волошин, вопрошавший С.: «Что это? Бред сумасшедшего или откровение?» (Там же. № 371).

С глубокой симпатией относился С. к казахам (по терминологии того времени — «киргизам»), показывая в своих рассказах растлевающее влияние чистогана и водки на почти нетронутую степную цивилизацию. По словам С., его рассказ «Зарзамак» (из казахской жизни) получил первый приз на лит. конкурсе, объявленном в 1916 братьями Байсун, — 1000 рублей (по другой версии самого С. — табун из 50 коней). Рассказы С. переводились на казахский яз., в т. ч. И. Джансугуровым. Горячее сочувствие С. вызывали и коренные народы Сибири, в защиту которых он неоднократно выступал.

Будучи близко знакомым с одним из пионеров сибирского областничества Н. Потаниным, С. неоднократно подчеркивал, что является не российским, а сибирским писателем. Лит. кредо С. с наибольшей полнотой было изложено им в памфлете «Таланты Сибири и золото» (Омск, 1917): «В Сибири могут родиться таланты, даже гении, только для того, чтобы страдать, голодать, служить переписчиками; в лучшем случае бежать со своей любимой родины в столицу и там искать пропитания. Дело Сибири рождают таланты и гениев, кинуть в их души озлобление, уморить полуголодной смертью. Дело России найти и оценить эти сибирские таланты <...>. Я верю, моя любимая родная Сибирь проснется <...> и по всей Сибири наставят памятники талантам и гениям Сибири, и если среди этих памятников будет и мне, то тогда высекут на нем: „<...> первому сибирскому рекламисту Антону Сорокину, рекламой добившемуся свободы слова“. А рядом пусть молодая Сибирь поставит памятник убитым равнодушием, сошедшим с ума, погибшим от пьянства сибирским талантам с неизвестными именами и с умершими на страницах газет произведениями, всем горевшим огнем вдохновения, создавшим для Вас новую молодую Сибирь».

Октябрьский переворот 1917 С. искренне приветствовал, видя в «симфонии революции» залог нравственного преображения Сибири. Интересы классовой борьбы были глубоко чужды С. — «бедняки, сердца которых наполнены одним желанием наполнить желудок и завистью к богачам полон их разум», были столь же антипатичны С., как и «переполненные жадностью и злобой мужики». Проживший всю жизнь в крайней нужде, себя самого С. сравнивал с горящей свечой: «Пи-

сатель подобен свече, сгорающей, чтобы озарить человечество». В эти годы жизнь С. все более начинает напоминать житие юродивого, подчеркнуто безразличного к житейским благам, абсолютного бесребреника, при каждом удобном случае подвергающегося осмеянию сильных мира сего. В 1918–19 С. ходил по Омску с зажженной свечой и устраивал публичные скандалы искренне расположенному к нему верховному правителю России А. В. Колчаку, безуспешно пытавшемуся установить добрые отношения с С. к немалому удивлению своего окружения. От колчаковской контрразведки спасало также покровительство японского консула Р. Танаки (будущий высокопоставленный чиновник, волею судьбы ставший основным свидетелем обвинения с советской стороны на Токійском процессе 1946). Неоднократно арестовывался, но, признаваемый умалишенным, освобождался. В доме С. неоднократно находили убежище преследуемые колчаковцами; приход большевиков ухудшил жизнь С.: он лишился должности счетовода в управлении Омской железной дороги и принужден был до конца жизни почти ежедневно ходить по 7 верст туда и обратно в пригород Омска, где устроился регистратором в больнице (в это время С. был уже болен туберкулезом).

В 1919–20 произошло сближение С. с футуристами: проезжавший через Омск в Америку Д. Бурлюк принял его шестым членом Всероссийской Федерации футуристов как «национального Великого писателя и Великого художника». Доклад С. «Гармония самоявления» был заявлен в программе вечера уральских футуристов, который должен был состояться 19 янв. 1919 в пещере близ Екатеринбурга. Сам же С. определял футуризм как «производство литературного суррогата для дураков». С. принимал участие в большевистском агитационном оформлении Омска в 1920 — по мнению Е. Ярославского, «заборные выставки омского озорника Антона Сорокина более талантливы, чем то, что дали омские художники для Октябрьской революции». После убийства в 1918 А. Е. Новоселова С. оказывается едва ли не главенствующей фигурой в лит. жизни Омска, бывшего в 1910–20-е духовным и интеллектуальным центром Сибири. К этому времени вокруг С. группируются молодые непризнанные поэты и художники, видящие в нем своего наставника. В той или иной степени влияние С. испытали В. В. Иванов, Л. Н. Мартынов, А. И. Алдан-Семенов, С. Н. Марков, Н. И. Анов, М. А. Никитин, З. С. Кедрин и др. Сам С. считал своими лучшими учениками Иванова

и Мартынова, позволяя себе вставлять — для популяризации их творчества — фрагменты их произведений в свои собственные, не спрашивая на то согласия авторов. Отношения С. с Ивановым были сложными: «Антон Сорокин сильно навредил мне и очень помог. Он помог мне еще сильнее привязаться к литературе, ознакомил с живописью, с музыкой, с историей Сибири, с ее прошлым <...>. А навредил мне он тем, что привил чрезмерное преклонение перед формой, и притом провинциальное поклонение; привил он мне и презрение к мысли; и общественной, и философской» (Иванов Вс. Переписка с Горьким. М., 1989. С. 297–298). В дальнейшем, обидевшись на Иванова, не сдержавшего своего обещания посвятить С. «Бронепоезд 14–69» и издать собр. его соч., С. стал рассылать в редакцию порочащие Вс. Иванова письма. Личность С. постоянно присутствует в воспоминаниях Мартынова — автор решительно не соглашается с теми, кто «создает не живой, а благостно-иконописный образ этого интересного, странного и противоречивого человека».

В 1926 по предложению В. Я. Зазубрина С. был избран членом Союза сибирских писателей и — в знак признания особых его заслуг перед сибирской лит-рой — награжден пишущей машинкой. Зазубрин добился направления тяжелобольного С. на лечение в Сухуми. «Уродливый провинциальный скептицизм» С. (В. В. Иванов) проявлялся также в том, что С. никогда не покидал пределов Сибири, чем очень гордился. Первый же выезд оказался роковым: в санатории С. не приняли ввиду открытой формы туберкулеза, и на обратном пути он скончался в Москве. В. В. Иванов и Ф. А. Березовский похоронили его на Ваганьковском кладбище; в сибирской печати появился ряд откликов на его кончину. М. Горький считал, что «сибирякам следовало бы собрать все, что написано об Антоне Сорокине, и собрание очерков этих издать. После того как будет издана такая книга, можно приняться и за издание работ самого Сорокина» (Горький М. СС: в 30 т. Т. 30. М., 1956. С. 152–153).

Комиссия по лит. наследию С. сообщила: «Подавлены обилием рукописей. Заявление А. Сорокина, что он написал 2000 рассказов, полностью подтвердилось». Огромно эпистолярное наследие С.; при этом следует помнить, что в силу склонности к мистификации и саморекламе он нередко самолично писал себе письма от имени выдающихся современников. Рукописные тексты С. написаны на обороте бухгалтерских бланков и реест-

ров, медицинских справок и карт; они далеко не всегда датированы. «Некоторые книги С., набранные и сброшюрованные, не тиражировались... Это не позволяет писать о С., соблюдая строгий хронологический порядок» (Очерки. С. 545). Попытки издать однотомники прозы С. предпринимались в начале 1930-х в Кызыл-Орде и в 1941 в Новосибирске, но книги не увидели света. В 1960-е благодаря появлению ряда мемуарных свидетельств о С. к его наследию стал проявляться интерес и был издан ряд произведений С. Несмотря на уникальность жизнетворческого опыта С. в мировой лит-ре до настоящего времени ни жизненный путь С., ни его лит. и худож. наследие (С. был также художником-графиком) в своей совокупности остаются неизученными, и омский счетовод, в своих опытах предвосхитивший искания европейского модернизма XX века, до сих пор остается малоизвестным даже в родной Сибири.

Соч.: Смертельно раненные. СПб., 1912; Стоны последние. Омск, 1914; Напевы ветра. Новосибирск, 1967; Запахи родины / послесл. Е. Беленького. Омск, 1984; Хохот Желтого Дьявола / послесл. Е. Беленького. Иркутск, 1987. (Лит. памятники Сибири); Письма // Дальний Восток. 1970. № 12. С. 127–131.

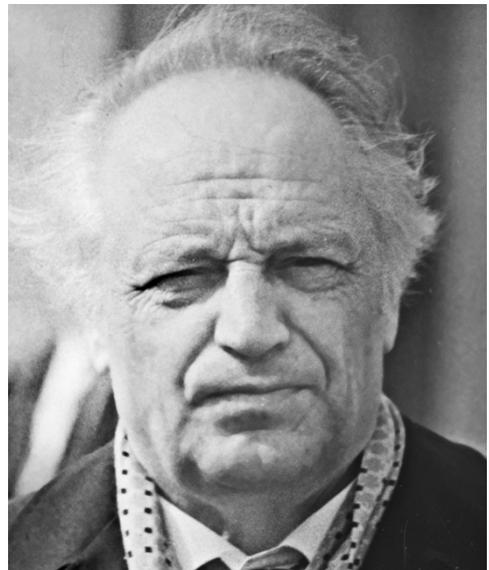
Лит.: Гнененко П. Гордость Сибири. Антон Сорокин. Омск, 1917; Некролог // Сибирские огни. 1928. № 2. С. 256–257; Никитин М. Дикий перец // Сибирские огни. № 4. С. 202–210; Урманов К. Наша юность // Сибирские огни. 1965. № 2. С. 159–171; Раппопорт Е. Рукопись считалась утерянной. Иркутск, 1967. С. 67–91; Беленький Е. И. Писатели моей земли. Новосибирск. 1967. С. 141–167; Беленький Е. И. Всеволод Иванов и Антон Сорокин // Ученые записки Омского педагогического ин-та. Омск, 1970. Вып. 47. С. 150–165; Беленький Е. И. Антивоенная повесть Антона Сорокина // ЛН Сибири. Новосибирск, 1974. Т. 3. С. 240–245; Фатьянов А. Д. Загадка старых картин. Иркутск, 1974. С. 50–64; Петряев Е. Д. Антон Сорокин на Урале // Там же. С. 342–343; Косенко П. Свеча Дон Кихота // Простор. 1972. № 11. С. 28–57; Трушкин В. П. Пути и судьбы: Литературная жизнь Сибири 1900–1917 Иркутск, 1972. С. 222–233; Анов Н. И. На литературных перекрестках. Омск, 1974. С. 78, 89; Он же. Интервенция в Омске. Алма-Ата, 1978; Мартынов Л. Н. Воздушные фрегаты. М., 1972; Он же. История одной вражды // Всеволод Иванов, писатель и человек. 2-е изд., доп. М., 1975. С. 72–79; Он же. Черты сходства. М., 1982; Сагалович С. М. Казахстан в дореволюционном творчестве Антона Сорокина // Филол. сб. Казахского ун-та. Алма-Ата, 1974. Вып. 13–14. С. 69–76; Он же. О художественном своеобразии прозы Антона Сорокина // Там же. Алма-Ата, 1975. Вып. 15–16. С. 45–49; Он же. Образ В. И. Ленина и социалистическая действительность в русской прозе 20–30-х // Там же. Алма-Ата, 1976. Вып. 17. С. 72–83; Он же. Казахский фольклор в творче-

стве Антона Сорокина // Мастерство писателя и взаимодействие литератур. Алма-Ата, 1982. С. 114–122; Он же. Истоки образной системы Антона Сорокина // Худож. творчество и взаимодействие литератур. Алма-Ата, 1985. С. 111–116; Он же. Трансформация стилизации в произведениях А. Сорокина о Казахстане // Творческая индивидуальность и взаимодействие литератур. Алма-Ата, 1988. С. 38, 43; Петров И. Ф. По родному краю. Омск, 1980. С. 208–224; Поварцов С. Н. Из неизданных материалов об омских писателях 20-х (Антон Сорокин) // Фольклор и лит-ра Сибири. Омск, 1980. С. 125–133; Очерки русской лит-ры Сибири. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 544–551; Ахмаев А. Проблема изображения казахского характера в произведениях А. Сорокина и Вс. Иванова // Проблемы стиля и взаимодействие литератур. Алма-Ата, 1987. С. 20, 26; Андреев В. А. Вс. Иванов в воспоминаниях Л. Мартынова // Худож. индивидуальность писателя и лит. процесс: Творчество Л. Мартынова. Омск, 1989. С. 66–78.

М. П. Лепехин

СОРОКИН Валентин Васильевич [25.7. 1936, хутор Ивашла Башкирской АССР] — поэт.

С. происходит из известного уральского казачьего рода. Фамилия «Сорокины» первоначально произносилась с ударением на последнем слоге — так звали ратников, командовавших сорока воинами. Предки поэта сражались на Куликовом поле, а проживали в Мосальском княжестве. Позднее мосали были переселены Иваном Грозным на Южный Урал. Здесь они основали множество по-

В. В. Сорокин